

Чи Хань обычно не жаловал форумы. По его мнению, там вечно плодились слухи и преувеличения, не имеющие ничего общего с реальностью. Бесцеремонно забрав телефон из рук Цинь Вэня, он уселся рядом с ним на диван, по-хозяйски приобнял мужа за плечи и принялся неспешно пролистывать ветку комментариев.

— Разве это не чат для беременных Омег? Почему все обсуждают меня? — Альфа недоумённо выгнул бровь. — Я похож на «заботливого лапочку»? Хм, советую этим людям провериться у окулиста: они явно не видят разницы между маской и реальностью.

Он продолжил читать, и его лицо становилось всё мрачнее:

— «Мужчины портятся, когда у них заводятся деньги»? Что за нелепые домыслы? Какое отношение моё состояние имеет к моим человеческим качествам? «Мой Омега вряд ли будет счастлив»?

Чи Хань резко нахмурился и повернулся к Цинь Вэню. Его аура, пропитанная ароматом снежного кедра, мгновенно окутала юношу, становясь плотной и почти осязаемой.

— Ну так что, ты счастлив? — он придвинулся почти вплотную, и его голос, низкий и вкрадчивый, прозвучал пугающе искусительно.

У Цинь Вэня вспыхнули кончики ушей. Он уже успел пожалеть о своём недавнем порыве «допросить» мужа. В отношениях с этим человеком инициатива неизбежно переходила к Чи Ханю, какую бы тему они ни затронули.

— Я тебя спрашиваю, — не унимался Альфа.

Цинь Вэнь решил пресечь проблему в корне:

— Я всё понял. Впредь я не стану доверять чужим словам на форумах.

Мужчина удовлетворённо кивнул. Больше всего в своём Омеге он ценил именно это — его пронизательность и умение схватывать всё на лету.

На ужин снова был костный бульон. Благодаря кулинарному таланту Чи Ханя в нём не осталось ни капли специфического запаха, только насыщенный, глубокий аромат. Цинь Вэнь с удовольствием опустошил две чашки, съев и мясо, которое муж заботливо приправил соусом. Юноша всё ещё оставался слишком худым: каждое новое испытание словно вытягивало из него все накопленные силы.

Чи Хань внешне сохранял спокойствие, но в душе его грызла тревога. То, что этот ребёнок был зачат без прямого контакта с репродуктивной полостью, лишь подтверждало его невероятную силу. Прошлой ночью Альфа наткнулся в книгах на описание редких случаев: когда Альфа высшего уровня и обычный Омега имели идеальную совместимость, гены их потомства неизменно превосходили отцовские, даже если природа Омегы была заурядной.

Однако Чи Ханя заботило не величие будущего наследника. Его пугало другое: ни один из Омег в этих отчётах не дожил до пятидесяти лет. Человечество лишь прикоснулось к тайнам влияния феромонов на организм, и мужчина впервые в жизни ощутил себя беспомощным перед лицом этой неопределённости.

— Что-то не так? — спросил Цинь Вэнь, заметив его пристальный, тяжёлый взгляд.

— Нет, ничего, — тот тряхнул головой, прогоняя мрачные мысли. — Просто хотел ещё раз напомнить: пока идёт снег, на улицу ни ногой.

— Я знаю, — Цинь Вэнь принялся заворачивать овощи в тонкий блинчик. — Я проведу эту зиму дома, не волнуйся, я буду осторожен.

Старейшина Чи предлагал перевезти Цинь Вэня в Старый особняк, но Чи Хань наотрез отказался. Он знал, что его муж всем сердцем привязался к их маленькому дому, а душевный покой беременного Омегы был сейчас важнее всего.

Дождавшись, пока Цинь Вэнь уснёт, Чи Хань вышел на балкон, чтобы ответить на звонок.

Звонили из Следственной группы по делам Альфы. Им требовалось провести полную проверку его сущности феромонов, чтобы оценить степень её потенциальной опасности.

В своё время Сунь Кайнина изолировали на три месяца, когда у него материализовалась сущность. В такие периоды Альфы обычно пребывают в состоянии «берсерка», а его Снежный лев и вовсе получил категорию опасности «А». Сунь Кайнину разрешили вернуться к обычной жизни лишь тогда, когда он полностью научился контролировать своего зверя. Чи Ханю этой процедуры было не избежать.

— Хорошо, завтра в час дня меня устроит, — холодно ответил мужчина. — В двенадцать неудобно. Почему? Потому что мне нужно дождаться, когда мой Омега уснёт.

Он не упускал ни единой возможности продемонстрировать следственной группе свою преданность семье, планомерно выстраивая образ идеального мужа.

***

Лисёнка, материализованную сущность Чи Ханя, поместили в герметичную камеру. По всему

периметру стен были установлены блокираторы — самые современные устройства для тестирования сущностей, способные варьировать уровень помех от минимального до критического. Снежный лев Сунь Кайнина в своё время впал в ярость уже на средних настройках, отчего и сам Сунь Кайнин, сидевший снаружи, едва сдерживался.

Но в случае с Чи Ханем всё было иначе. Даже когда аппаратура вышла на максимальный режим, Сяо Бай лишь лениво вылизывал шёрстку, изредка настороженно поводя головой. Индикатор опасности упорно отказывался загораться красным.

— Сущность слишком мала! — выкрикнул кто-то из присутствующих.

Это был тот самый Омега из Следственной группы по делам Альф, который во время прошлого допроса рыдал в комнате отдыха так, словно хоронил близкого родственника. Видимо, решив восстановить попорченную гордость, он напросился и на этот тест.

Чи Хань, не дожидаясь дальнейших указаний, положил руку на терминал связи. Стены камеры частично обрывали ментальный контакт, но через устройство связь становилась безупречной. Сяо Бай бросил в сторону окна ленивый, слегка раздражённый взгляд и на глазах у изумлённой публики начал стремительно расти. Его мордочка, до этого казавшаяся изящной и милой, в мгновение ока приобрела суровые, властные черты. Огромный зверь выпрямился, едва не задевая спиной потолок, но лампа опасности так и не вспыхнула.

Альфа слегка постучал пальцем по терминалу — это был безмолвный приказ. Наконец, индикатор мигнул, но загорелся не багровым, а мягким оранжевым цветом, что соответствовало минимальному уровню угрозы.

— Как это возможно?! — воскликнул Омега по имени Чжоу Лу.

Считалось аксиомой, что чем крупнее сущность феромонов, тем выше её агрессивность. Один из сотрудников группы уже не скрывал раздражения. Ему давно не нравилось, что на такие серьёзные тесты допускают людей, которые поднимают шум по любому поводу.

— Господин Чжоу Лу, прошу вас сдерживать эмоции, — осадил его офицер. — Я гарантирую, что аппаратура исправна. Все приборы прошли многократную проверку перед запуском.

Чжоу Лу, казалось, питал к Чи Ханю личную неприязнь. С точки зрения Альфы, этот человек был типичным неудачником, который спутался с компанией посредственных личностей и вместе с ними изливал желчь на весь мир.

Чи Хань обожал доводить таких людей до белого каления. С самым безмятежным видом он заметил:

— Вероятно, господин Чжоу так эмоционален из-за того, что недавно смыл метку? Говорят, это

сильно расшатывает психику.

Лицо Омеги пошло пятнами:

— Прошу вас вести себя подобающим образом! Вы здесь под следствием!

— Разве я веду себя недостаточно смиренно? — Альфа издевательски выгнул бровь.

Чжоу Лу тяжело задышал от негодования. Остальные лишь переглянулись. Чи Хань действительно вёл себя на удивление спокойно — большинство Альф его уровня во время тестов едва не разносили лабораторию в щепки.

— У вас есть ещё какие-то вопросы ко мне? — уточнил он, вновь беря ситуацию под контроль.

— Тестирование завершено, — ответил ответственный офицер.

Чи Хань поднялся с кресла:

— Согласно уставу вашей группы, если Альфа и его сущность признаны неопасными, каковы дальнейшие действия?

Офицер на автомате закончил фразу:

— В отношении данного лица меры изоляции не применяются, он получает право на свободное передвижение.

— В таком случае, я могу идти? — губы Альфы тронула едва заметная улыбка.

Весь этот масштабный тест оказался пустой тратой времени. Чжоу Лу провожал его ненавидящим взглядом. Он напоминал растение, выросшее в сточной канаве — бледное, чахлое и лишённое всякого света.

— Вы очень торопитесь, господин Чи? — процедил он сквозь зубы.

— Разумеется, — Чи Хань взглянул на часы. — Мой супруг скоро проснётся, он очень расстроится, если не увидит меня рядом.

В глазах собеседника мелькнула тень зависти, сменившаяся злобной ухмылкой:

— Кстати, нам скоро нужно будет провести проверку и вашего Омеги...

Он не успел договорить. Комнату мгновенно заполнила удушающая, первобытная мощь. Лицо Чи Ханя оставалось спокойным, но в воздухе словно разлился холод ледникового разлома. Снежный кедр больше не пах уютом — теперь это был аромат бури, сметающей всё на своём пути.

— Господин Чи? — пролепетал офицер, чувствуя, как подкашиваются ноги.

Чжоу Лу смертельно побледнел. Вся ярость Альфы была направлена исключительно на него, и хотя физически Чи Хань его не тронул, Омега почувствовал себя так, словно на него обрушилась гора. Его напускная смелость испарилась, он в ужасе попятился. Для Альфы высшего уровня раздавить Омегу, лишённого защиты метки, было проще, чем прихлопнуть назойливое насекомое.

— Ты хоть понимаешь, на кого лаешь? — Чи Хань впервые открыто проявил враждебность.

К его удивлению, остальные Альфы в комнате отнеслись к этому с пониманием: Чжоу Лу сам совершил глупость, решив угрожать чужому Омеге.

— Если моему супругу потребуется обследование, этим займётся Ассоциация по защите Омег. С каких это пор вы лезете не в своё дело? Я наслышан о ваших «подвигах». Помнится, пару лет назад вы незаконно изолировали Омегу во время следствия, что чуть не привело к трагедии, когда у него началась течка. Видимо, тот урок не пошёл вам впрок. Предупреждаю сразу: если вы попытаетесь провернуть нечто подобное с моим мужем... — он указал на лампу детектора опасности: — Вот эта штука точно взорвётся.

Чи Хань стал первым Альфой в истории, который использовал результаты оценки опасности как инструмент для прямой угрозы следствию. Офицер бросил свирепый взгляд на Чжоу Лу и выдавил подобие улыбки:

— Не беспокойтесь, господин Чи. Самовольная изоляция Омеги сейчас является тяжким преступлением. Никто на это не пойдёт.

— Вот и славно, — мужчина поправил галстук и размашистым шагом направился к выходу. Сяо Бай мгновенно исчез в камере.

«Эту контору пора прикрывать», — равнодушно подумал Чи Хань.

***

Подъехав к дому, он сразу заметил элегантно одетую женщину, которая нерешительно прохаживалась у подъезда. Её лицо показалось ему знакомым. Заметив его взгляд, женщина замерла, а затем, невзирая на прохожих, внезапно опустилась на колени. Эта манера раболепного подчинения и покорности судьбе мгновенно воскресила в памяти Чи Ханя её имя.

Это была Су Лин, мать Цинь Вэня.

Выбирать такой способ давления было верхом безрассудства. Альфе было глубоко плевать на общественное мнение, а заставить замолчать любые слухи для него было делом одного звонка.

— Пришли к Цинь Вэню? — он остановился перед ней, принимая это коленопреклонение как должное. — Из-за Цинь Шу?

Су Лин закусила губу, её глаза покраснели от сдерживаемых слёз.

— Скажите, — его голос звучал холодно и сухо, — вы когда-нибудь умоляли своего мужа или младшего сына быть хоть каплю милосерднее к Цинь Вэню?

Женщина не выдержала и разрыдалась, закрыв лицо руками. Но на Чи Ханя её слёзы не произвели никакого впечатления.

— Не смейте беспокоить Цинь Вэня. Ваше присутствие сделает только хуже.

Он ожёг её взглядом, полным брезгливости, и вошёл в подъезд, оставив женщину одну на холодном ветру. Чи Хань гадал, видел ли муж эту сцену. Войдя в квартиру, он сразу заметил Цинь Вэня на балконе. С этой точки открывался отличный вид на вход в подъезд. Сердце Альфы ёкнуло.

— Цинь Вэнь? — позвал он, открывая балконную дверь.

Внизу Су Лин медленно поднялась, отряхнула пыль с коленей и побрела прочь со двора. Цинь Вэнь обернулся и, молча глядя на мужчину несколько секунд, вдруг шагнул навстречу и крепко обнял его.

— О чём... мама говорила с тобой?

— Она не произнесла ни слова, но ты и сам понимаешь, зачем она здесь, — Чи Хань ласково погладил его по спине. — Даже не вздумай просить за Цинь Шу. Он окончательно пошёл по кривой дорожке, и если его сейчас не остановить, он погубит себя и окружающих.

— Я знаю, — глухо отозвался Цинь Вэнь. — С тех пор как я начал работать и съехал из дома, это первый раз, когда она решила навестить меня.

Грусть в его голосе была почти осязаемой. Оказалось, что даже самые чудовищные поступки младшего сына родители готовы покрывать, а старший был нужен лишь как ресурс.

— Это неважно, — Альфа легко подхватил мужа на руки. — Теперь у тебя есть я. Даже если ты перевернёшь этот мир вверх дном, я всё улажу. Кстати, почему ты проснулся так рано?

— Тебя не было. И Сяо Бая тоже, — пробормотал Цинь Вэнь с оттенком обиды в голосе.

— Каюсь, виноват, — Чи Хань решил не упоминать о проверке, чтобы не волновать его лишний раз. — И ты стоял на балконе и караулил меня?

— Угу, — юноша уткнулся лицом в плечо мужа. Он выглядел очень сонным и каким-то беззащитным, а округлившийся живот делал его фигуру необычайно трогательной.

— Гуайгуай, ты и раньше так ждал меня домой? — мужчина произнёс это ласковое прозвище с особенной, нежной интонацией.

Цинь Вэнь вскинул голову, в его глазах отразилось крайнее изумление:

— Как ты меня назвал?!

— Цинь Гуайгуай, — Чи Хань сделал максимально невинное лицо. — Разве это не твоё детское имя?

Он вспомнил об этом только сегодня, увидев Су Лин. Много лет назад, во время совместного ужина их семей, мать, в отличие от корыстного Цинь Яошэна, поймала Чи Ханя в коридоре и, дрожа от страха, прошептала: «Господин Чи, прошу вас, будьте добры к Гуайгуай». Тогда он лишь хмыкнул про себя: как этот строгий юноша в очках и безупречном костюме может быть каким-то «Гуайгуай»? Прозвище забылось, но сейчас оно казалось Чи Ханю самым подходящим на свете.

— Не смей так меня называть! — Цинь Вэнь вспыхнул от смущения. — Ты хоть понимаешь, сколько мне лет?!

— Тогда... Гуайцзай? Или Гуайбаобэй? — Чи Хань вошёл во вкус, продолжая дразнить его. — Называть тебя просто по имени — это слишком официально. Мне нужно особенное прозвище, о котором не будет знать никто другой.

Юноша зажмурился, чувствуя, как жар заливает лицо. Он выглядел невероятно мило в своём возмущении.

— Ты так и не ответил: ты долго ждал меня раньше? — Альфа слегка покачал его на руках, словно убаюкивая ребёнка.

Цинь Вэнь вздрогнул и спустя долгую паузу прошептал:

— Со второго месяца нашей свадьбы... Я всегда приходил домой пораньше и ждал тебя. Но если тебя не было до полуночи, я ложился спать один.

Чи Хань почувствовал, как сердце сжалось от острой боли. Целых три года Цинь Вэнь каждый вечер преданно ждал его возвращения.

«Ну и сволочь же я!» — он едва сдержал стон раскаяния, не заметив, как на губах Цинь Вэня промелькнула едва уловимая торжествующая улыбка.

Тот действительно ждал, это была правда. Но раньше он никогда бы не признался в этом. Теперь же он намеренно открыл мужу свою душу, желая, чтобы Чи Хань любил и жалел его ещё сильнее.

Этой ночью, в перерывах между нежными объятиями, Альфа так и не перестал шептать ему на ухо «Гуайбао» и «Гуайцзай».

А на следующее утро, едва открыв телефон, Чи Хань наткнулся на сообщение от Сунь Кайнина:

[Брат, ты где? Умоляю, приюти меня!]

<http://bllate.org/book/15356/1423141>